

Анандаева Цындыма Цымпиловна

ПОДВИЖНИЧЕСКАЯ И МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАНДИТА-ХАМБО-ЛАМ РОССИИ

Деятельность пандита-хамбо-лам в России, определявшаяся принятой ими программой, во многом зависела от вероисповедной политики государства, сочетавшей две амбивалентные линии: прагматическую, гибкую, обеспечивавшую стабильность в периферийных регионах, и агрессивную, характеризовавшуюся стремлением усилить подчинение Церкви государству жесткими идеологическими и репрессивными мерами. Претворение в жизнь программы зависело от единства и организованности религиозной общины, важной движущей и одновременно легитимизирующей силой которой являлся институт пандита-хамбо-лам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т. 1. 632 с.
7. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 547 с.
8. Кидирниязов Д. С. Дагестан во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией (вторая половина 80-х – конец 90-х гг. XVIII в.) // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. VII. С. 65-78.
9. Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. 456 с.
10. Магарамов Ш. А. Помощь России Дагестану в отстаивании независимости от Ирана в начале XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 6 (20). Ч. II. С. 128-131.
11. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957. 468 с.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 1.
13. РГВИА. Ф. 52. Оп. 194.
14. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сборник документов. М., 1988. 357 с.
15. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. 244 с.
16. Сотавов Н. А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. 224 с.
17. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 23. Оп. 1.
18. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1.

THE ANTI-RUSSIAN STRUGGLE OF IRAN AND TURKEY IN THE NORTH-EAST CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Akbiev Arsen Soltanmuradovich, Doctor in History, Professor
Mansurov Shamsutdin Mansurovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University
sharafutdin@list.ru

Magaramov Sharafetdin Arifovich, Ph. D. in History
Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
sharafutdin@list.ru

In the article the anti-Russian foreign policy line of Iran and Turkey in the North-East Caucasus in the second half of the XVIII century is revealed. The methods and ways of the implementation of the anti-Russian policy of these states, which had behind their back such rivals of Russia as England, France and other European countries, are shown. The nature of the foreign policy of the Russian government in the region that was fundamentally different from the policy of the Iranian-Turkish conquerors is determined. The reasons for the strengthening of the pro-Russian orientation of the Caucasian ruling elite are presented.

Key words and phrases: Iran; Turkey; the anti-Russian policy; the anti-Russian front; the North-East Caucasus; foreign policy plans.

УДК 21:14

Философские науки

Деятельность пандита-хамбо-лам в России, определявшаяся принятой ими программой, во многом зависела от вероисповедной политики государства, сочетавшей две амбивалентные линии: прагматическую, гибкую, обеспечивавшую стабильность в периферийных регионах, и агрессивную, характеризовавшуюся стремлением усилить подчинение Церкви государству жесткими идеологическими и репрессивными мерами. Претворение в жизнь программы зависело от единства и организованности религиозной общины, важной движущей и одновременно легитимизирующей силой которой являлся институт пандита-хамбо-лам.

Ключевые слова и фразы: буддизм; пандита-хамбо-лама; сангха; гуманитарная деятельность; миротворческая деятельность; подвижническая деятельность.

Анандаева Цындыма Цымпиловна, к. филос. н.
Забайкальский государственный университет, г. Чита
AnandaevaTS@yandex.ru

ПОДВИЖНИЧЕСКАЯ И МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАНДИТА-ХАМБО-ЛАМ РОССИИ[©]

Буддизм является неотъемлемым компонентом общественного сознания и исторической памяти бурятского народа, духовно-нравственным содержанием наследия прошлого. Превратившись в один из важнейших институтов буддийской конфессии в России, институт пандита-хамбо-лам прочно вошел в политическую, общественную и культурную жизнь страны. Формально он был призван стать главным административным

аппаратом Буддийской Церкви в России, регулирующим внутриконфессиональную деятельность. В действительности его роль в жизни бурятского общества стала значительно шире и важнее. Этот аспект заслуживает специального рассмотрения.

Благословение Его Святейшества VII Далай-ламы Галсан Лопсан Жамцо и Панчен-ламы Лопсан Еши Балсамбо вскоре после обучения в тибетском Гоман-дацане Дамба-Даржа Заяева и признание со стороны лам, вынужденных пойти на это вследствие его победы в философском диспуте как свидетельство лучшей подготовленности, фактически представляло собой создание иерархической системы Автокефальной Церкви, ставшей в дальнейшем оплотом распространения буддизма в России. В 1753 году был сделан еще один шаг в сторону превращения Восточного Забайкалья в буддийский центр России: основан Цонгольский дацан (Балдан Брайбун), а в 1764 году по ходатайству нойонов селенгинских родов был издан Указ Пограничной канцелярии № 610, согласно которому Дамба-Даржа Заяев утверждался пандита-хамбо-ламой, получившим большие полномочия.

Политика России по отношению к буддийской конфессии определялась стремлением укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе. «Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири», регламентировавшее административное управление Буддийской Церкви, было обнародовано в 1853 г. Данное постановление было с удовлетворением встречено буддистами, ибо оно создавало перспективы распространения буддизма в России. Усилия пандита-хамбо-лам на начальном этапе были направлены на то, чтобы как можно лучше использовать те благоприятные возможности, которые были созданы решениями государственной власти для укрепления позиций Буддийской Церкви в России. Достаточно сказать, что только за время деятельности I пандита-хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева насчитывалось 10 больших и 6 малых дацанов.

Разносторонняя и плодотворная деятельность пандита-хамбо-лам по развертыванию строительства дацанов, привлечению в них ученых монахов из буддийских центров Тибета и Монголии имела своим результатом то, что они становятся, по существу, местом формирования разных, не существовавших до этого времени культурных реальностей: новых архитектурных форм, форм рационализации (складывается образовательная система и институализируется медицинская наука), книгопечатания и литературы с новыми жанрами, изобразительного искусства также с разнообразием жанров.

Масштабы и уровень развития системы образования на рубеже XIX–XX вв. отражают общую картину состояния буддизма в России. Стремясь обеспечить еще более высокий уровень богословских знаний, VII пандита-хамбо-лама Галсан-Чойроп Ванчиков ввел положение, согласно которому философия (цаннит) признана в качестве обязательного курса обучения. Указанные мероприятия были достаточно эффективными. В последующие годы число преподавателей и обучающихся философии в монастырских факультетах Забайкалья – Цугольском, Гусиноозерском, Агинском, Анинском – возросло, и последние по праву считались лучшими образовательными центрами, внесшими немалую лепту в развитие буддийской традиции. Общественная роль пандита-хамбо-лам была в одно и то же время ролью богослова и администратора. При этом каждому из них принадлежат заслуги в распространении философских, богословских, астрологических знаний, а также в дипломатической деятельности.

Важнейшей интенцией пандита-хамбо-лам являлось стремление преодолеть социальный и культурный кризис своего времени, прежде всего, усилием мысли и веры. Одной из интереснейших страниц в истории отечественного буддизма и одной из уникальных фигур в ней является жизнеописание XII пандита-хамбо-ламы Даши-Доржи Итигилова. Уникальность личности пандита-хамбо-ламы заключается в самой возможности такого состояния, которое может быть определено научным понятием *анабиоз*. Проблема эта серьезная и требует комплексного рассмотрения естественнонаучных, религиозно-духовных, социально-политических и даже психологических факторов. Отметим лишь, что для этого существовали и объективные (господство воинствующего атеизма, массовые репрессии священнослужителей) и субъективные (поиск новых путей медитации – (прим.: существует комментарий Его Святейшества Далай-ламы XIV Тенцзин Гьятцо) [4, с. 259]; надежды на то, что буддийская традиция в России не будет окончательно прервана; вера в то, что буддийское учение будет служить духовно-нравственному созиданию личности и общества) предпосылки. Но каковы бы ни были причины, факт остается фактом: уже сегодня часть научного и теологического сообществ включилась в обсуждение этого беспрецедентного явления; и также ясно одно: все мы являемся очевидцами формирования уже в наши дни нового религиозного культа – XII пандита-хамбо-ламы Даши-Доржи Итигилова.

Как уже отмечалось, институт пандита-хамбо-лам создан для управления буддийской санхвой России и осуществления контроля за исполнением программ, выдвигаемых им; с целью координации ее деятельности с различными социально-политическими институтами – государственными органами, религиозными общинами иных вероисповеданий России и зарубежных стран и др. В то же время перед ними стояли задачи защиты чисто конфессиональных интересов. Принципы эти, как известно, оставались неизменными на протяжении всей истории, но в определенные периоды они носили реформистский и новаторский характер. Конкретно это отразилось в решениях ЦДУБ по национальному вопросу, в проектах реформ Буддийской Церкви (обновленческое движение), в программах и декларациях международной неправительственной организации (АБКМ), в программах и уставах буддийской сангхи, зафиксированных в резолюциях различных съездов и конференций [Там же, с. 22–23, 65]. Суммируя все эти программные установки, можно сказать, что в политической области они предусматривали консолидацию российского общества, сохранение мира и всеобщей безопасности, международное сотрудничество с религиозными организациями; в общественной – укрепление этнического и конфессионального единства, строительство и восстановление соборных храмов,

кумирен, алтарей, отправление религиозных культов; в культурной – сохранение и передачу духовного наследия последующим поколениям (просветительская, образовательная, издательская деятельность).

Следует учитывать, что на начальных этапах ряд настоятелей селенгинских дацанов заняли весьма сдержанную позицию в отношении программы пандита-хамбо-лам. Наличие серьезных разногласий между ними не мешало, тем не менее, укреплению последних, в том числе и в их борьбе против центробежных устремлений. Однако и православное духовенство, стремясь обеспечить себе наиболее благоприятные условия для расширения своего влияния в Восточном Забайкалье, предприняло ряд шагов с целью продемонстрировать недовольство политикой пандита-хамбо-лам. Будучи в первое время, как правило, лишь сторонними наблюдателями, после 1853 г. представители православного духовенства, естественно, резко отрицательно отнеслись к последовательно проводимой и успешной политике пандита-хамбо-лам. Неоднократно в своих отчетах они пытались показать деятельность пандита-хамбо-лам как заведомо враждебную в отношении их позиции, что и послужило основанием для отзыва с занимаемого поста VII пандита-хамбо-ламы Галсан-Чойроп Ванчикова [Там же, с. 245].

Важное место в деятельности пандита-хамбо-лам занимали вопросы стабилизации и упрочения буддийской конфессии. Согласно докладом V пандита-хамбо-ламы Данзан-Гаван Ешижамсуева на имя губернской администрации, были основаны 32 дацана по числу бурятских родов, а также был утвержден штат священнослужителей (лам) численностью 600, учеников (хувараков) – 1400 человек. Окончательное оформление этот порядок получил в 1875 г. при IX пандита-хамбо-ламе Чойдаре Мархаеве [Там же, с. 243]. Согласно принятому тогда решению, вся система функционирования дацанов Восточного Забайкалья строилась с учетом этнотерриториального разделения бурятских родов [Там же, с. 246].

События 30-х годов XX столетия в России в значительной степени изменили положение буддийской конфессии. Подверглись разрушению многие соборные комплексы, уничтожены материальные и духовные ценности буддийской религии, преданы забвению имена выдающихся представителей бурятского буддийского духовенства, репрессированы десятки тысяч священнослужителей. Поругание и изгнание живой памяти следует считать наиболее трагическим последствием эпохи воинствующего атеизма в России.

Деятельность пандита-хамбо-лам была активной и в гуманитарной области. Помимо защиты Отечества на фронтах войны огромную роль бурятские священнослужители играли и в мобилизации средств в Фонд Оборона. Остро нуждаясь в средствах по содержанию лазаретов, военный губернатор области в 1914 г. обратился непосредственно к XI пандита-хамбо-ламе Чойнзон-Доржи Иролтуеву с просьбой об оказании помощи. В результате было собрано свыше 100 тысяч рублей. Боеспособность Советской армии в Великой Отечественной войне создавалась всенародными усилиями, в том числе действенной материальной помощью буддистов. Сложная внешнеполитическая обстановка в послевоенные десятилетия не давала возможности находиться в стороне. По инициативе XX пандита-хамбо-ламы Жимба-Жамсо Эрдынеева в Фонд Мира и Общество Красного Креста были перечислены значительные суммы денег.

Излагая факты, относящиеся к личности X пандита-хамбо-ламы Дампила Гомбоева, автор «Селенгинской Даурии» В. В. Птицын с искренним уважением отметил его большую внутреннюю культуру словами, как нельзя лучше выражающими облик бурятских священнослужителей конца XIX – начала XX в.: «Сквозь толщу лет идет ровный теплый свет, излучаемый взглядом этого монаха, образованнейшего человека, опытного политика, рачительного хозяина. Он хотел и уметь быть источником знания» [5, с. 36]. X пандита-хамбо-лама Дампил Гомбоев энергично содействует открытию светских учебных заведений в Чите – мужской и женской гимназии. Кроме того, на средства пандита-хамбо-ламы осуществляется финансирование научных отделов, изданий, исследовательских программ; пополняются памятниками буддийской письменной и материальной культуры фонды ведущих российских музеев и библиотек.

В Советской России Церковь была отделена от государства. Буддистам предписывалось лишь свободное богослужение. Тем не менее, XVII пандита-хамбо-лама Лубсан-Нима Дармаев и дид-хамбо Хайдап Галсанов не остались пассивными наблюдателями. Они сочли возможным и должным обратиться к И. В. Сталину с ходатайством о возобновлении деятельности буддийских церквей в БМАССР. Свое решение правительство подтвердило в Указе № 1603, опубликованном 19 ноября 1944 г. [4, с. 51]. На основании данного постановления продолжил свою деятельность Агинский дацан и был построен Иволгинский дацан (резиденция хамбо-лам). С формальной стороны это укладывалось в политику веротерпимости. Фактически это явилось следующим шагом в стабилизации Буддийской Церкви в России. Многие связывало священнослужителей советского времени. Им было дано, к сожалению, видеть в полной мере те ужасы современной эпохи, пройти тюрьмы, ссылки, участвовать в Великой Отечественной войне. К этому поколению принадлежит и XXI пандита-хамбо-лама Мунко Цыбиков, благодаря авторитету и усилиям которого была возвращена священная реликвия – статуя Зандан Жуу (Сандаловый Будда) в Эгитуйский дацан из музея истории Бурятии. И много десятилетий спустя – в 1970-90 гг. – несмотря на весьма преклонный возраст, они работали необычайно активно, передавая свои знания новому поколению учеников и последователей.

Однако именно в это период, несмотря на известную напряженность международных отношений, определился курс ЦДУБ на сотрудничество с религиозными организациями зарубежных стран. Постоянно менявшаяся международная обстановка в XX веке, политические и военные конфликты в самом густонаселенном континенте Земного шара требовали от публичной дипломатии последовательности и стойкости в защите мира.

В 1950 г. создана международная организация для сохранения мира и безопасности «Всемирное братство буддистов». В 1956 г. подписано соглашение о вступлении ЦДУБ в ее состав, что значительно укрепило международный престиж Советской России в Азии. В 1969 г. ЦДУБ подписано «Положение

о буддийском духовенстве СССР», которое отражало стремление к укреплению взаимоотношений с зарубежными религиозными организациями. Эти дипломатические акты дали возможность СССР стать членом мощной коалиции государств, отстаивавших принципы ненасилия, мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Свидетельством претворения в жизнь буддийских идеалов явилась подвижническая деятельность блестящей плеяды священнослужителей Бурятии – XVII пандита-хамбо-ламы Лубсан-Нимы Дармаева (1945-1956), XVIII пандита-хамбо-ламы Еши-Доржи Шарапова (1956-1963), XIX пандита-хамбо-ламы Жамбал-Доржи Гомбоева (1963-1982), XX пандита-хамбо-ламы Жимба-Жамсо Эрдынеева (1983-1989). Во время пребывания на высоком посту хамбо-ламы Бурятии снискали безграничную любовь и уважение верующих, определяя престиж и уровень духовности буддийской конфессии в России и в мире.

Священнослужители Бурятии, как и все буддисты мира, оптимистично относятся к разумному международному сотрудничеству, способному преодолеть любые объективные и субъективные условия человеческих бедствий. И большая заслуга XIX пандита-хамбо-ламы Жамбал-Доржи Гомбоева в том, что он не только ясно осознавал политические изменения в мире, в первую очередь – возросшие возможности капиталистических стран, преследующих гегемонистские цели, но и приложил большие усилия для нахождения реалистических путей привлечения миролюбивых сил из различных стран для установления мира в азиатском регионе. На эти поиски повлияли события мировой войны, участие в Великой Отечественной войне, международная ситуация в первые послевоенные годы. Мог повлиять на Ж.-Д. Гомбоева, как нам кажется, и духовный опыт взаимоотношений Советской России с буддийским миром, прорыв ею политико-идеологической блокады. Вся указанная общественно-политическая деятельность Ж.-Д. Гомбоева была тесно связана с выработкой в послевоенные 1950-60 годы широкой программы Центрального Духовного Управления Буддистов (ЦДУБ), а ее результаты стали неотъемлемой частью международного сотрудничества СССР со странами Восточной Азии. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что он придавал важнейшее значение поискам новых путей расширения международных связей в буддийском мире. Такой совершенно правильный подход привел его к выводу о необходимости создания международной неправительственной организации буддистов стран Азии, нацеленной на воплощение прогрессивных социальных идеалов и решение конкретных исторических задач.

Создание по предложению хамбо-лам Бурятии и Монголии Ж.-Д. Гомбоева и С. Гомбожава Азиатского Буддийского Комитета за мир (АБКМ) явилось новым шагом стран в овладении контролем над сложной внутривосточной обстановкой в Азии. Данная система вводилась с июня 1970 г. меморандумом представителей 12 стран, подписанным ими в Улан-Баторе (Монголия). В сочетании с передовыми социалистическими идеями, нашедшими выражение в так называемых политических установках – «пролетарии всех стран, объединяйтесь», «мир народам», именно такой поворот социально-политических программ АБКМ, именно такая ее нацеленность на конструктивную работу делали эту программу подлинно международным документом. Действительно, международный характер АБКМ, в том числе и социально-политических аспектов, способствовал превращению ее в платформу единого прогрессивного фронта, объединившего в 1970 году такие столь разные национально-политические образования как страны социалистического и капиталистического лагеря. Вместе с тем, идеологическая широта программы АБКМ позволяла делать ее теоретическим обоснованием весьма различных политических программ.

Бурятское буддийское духовенство продемонстрировало высокий уровень политической культуры. Заседание исполнительного совета АБКМ 1-4 августа 2001 г. в Бурятии, 12-14 августа 2004 г. в Агинском Бурятском автономном округе – все это стало возможным на базе как предшествовавшего развития всего миротворческого движения, так и опыта неразрывно с ним связанной дипломатической деятельности бурятских священнослужителей. В 2001 и 2004 гг. вновь были сформулированы принципы миротворческой политики в регионе и мире. В новых условиях, учитывая то, что азиатский регион будет играть доминирующую роль буквально во всех сферах современного мира, в документах конференций: 1. выдвигалась установка на соблюдение принципа *срединного пути* в решении насущных глобальных проблем; 2. подчеркивалась необходимость обеспечения максимально благоприятных условий для дальнейшего социально-экономического и культурного развития; 3. отмечалось, что укрепление и расширение межрегиональных связей рассматривается в качестве основы благоприятных социальных тенденций и направлений в развитии многих стран. Достижение этих целей осуществимо лишь в условиях мира, при отсутствии военных конфликтов и конфронтации. Отсюда 4 положение: предлагалось обязательное соблюдение *принципа ненасилия* (неприменения силы или угрозы силой) [Там же, с. 65].

Конструктивные предложения и инициативы постоянно выдвигаются буддийскими религиозными деятелями на регулярно созываемых конференциях. Большой интерес для характеристики дипломатических отношений имеют личные встречи досточтимых священнослужителей Бурятии с Его Святейшеством Далай-ламой XIV Тенцзин Гьятцо. Они носят официальный характер и включают широкий круг вопросов: положение буддийской конфессии в России, обучение в буддийских монастырях и т.д. Но наиболее важное место среди них занимают проблемы, относящиеся к созданию ненасильственного мира и сотрудничеству народов Восточной Азии.

Бурятское буддийское духовенство сыграло весьма заметную роль в утверждении основополагающего принципа Устава ЮНЕСКО – «войны начинаются в умах людей, следовательно, в умах людей нужно защищать мир», по сути базирующегося на буддийской истине о сохранении в чистоте своих намерений (интенций).

Новая ситуация, сложившаяся в постсоветской России, оказала серьезное влияние на дальнейшее развитие буддийской конфессии. Центральное место в деятельности религиозной общины (сангхи) заняли вопросы

восстановления и сохранения памятников буддийской истории и культуры. Перед пандита-хамбо-ламами Бурятии стояла нелегкая задача сочетания процессов реконструкции наследия прошлого и реализации новых исторических перспектив. Существовали трудности и чисто объективного порядка, связанные с отбором и пополнением штата священнослужителей, восстановлением системы духовного образования. Нетрудно представить, что в тех условиях, после десятилетий атеистического воспитания, после весьма длительного перерыва в подготовке буддийских священнослужителей, можно было бы сразу подобрать необходимое число преподавателей, книг и т.д. Достаточно вспомнить, с каким трудом налаживалась работа по реставрации и строительству дацанов. Восстановление периферийной сети дацанов происходило постепенно, поэтапно.

Спустя столетия стало возможным воздвигнуть ступы (субурганы) в память о пандита-хамбо-ламах России. Творческая, гуманитарная и просветительская деятельность пандита-хамбо-лам России отмечена большими достижениями, и правомерно говорить в этом более общем смысле, что пример их многогранного таланта и истинного благочестия обрел новую актуальность, продемонстрировав запрос бурятского общества на национальную историю с высокой культурой и богатым духовным наследием.

Список литературы

1. Барадин Б. Буддийские монастыри // Orient: альманах. СПб., 1992. Вып. 1. С. 61-120.
2. Выдающиеся деятели – выходцы из хори-бурят: очерки. Улан-Удэ, 2002. 211 с.
3. Жамсуева Д. С. Агинские дацаны как памятники истории культуры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 170 с.
4. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье: научное издание. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. 600 с.
5. Птицын В. В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. СПб., 1896. 306 с.

SELFLESS AND PEACE-MAKING EFFORTS OF PANDITA HAMBO LAMAS OF RUSSIA

Anandaeva Tsyndyma Tsympilovna, Ph. D. in Philosophy
Transbaikal State University, Chita
AnandaevaTS@yandex.ru

The activity of Pandita Hambo Lamas in Russia determined by the adopted by them program depended in many ways on the religious policy of the state combining two ambivalent lines: pragmatic, flexible, providing stability in peripheral regions, and aggressive, which was characterized by aspiration to strengthen the submission of Church to the state by strict ideological and repressive measures. The implementation of the program depended on the unity and good organization of the religious community, whose important driving and at the same time legitimizing force was the institution of Pandita Hambo Lamas.

Key words and phrases: Buddhism; Pandita Hambo Lama; sangha; humanitarian activity; peace-making efforts; selfless activity.

УДК 94(571.5)

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению материалов Государственного архива Российской Федерации об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. Представлена обобщенная характеристика фондов архива, обращается внимание на значение документальных материалов для изучения реализации государственной социальной политики в сфере охраны материнства и детства в Восточной Сибири. Автор приходит к выводу, что изученные фонды архива содержат богатый и разнообразный материал, который может быть использован в качестве основного источника по изучению защиты материнства и детства в 1920-1930-е гг.

Ключевые слова и фразы: история Восточной Сибири; охрана материнства и детства; социальная история; исторический источник; архивные материалы; источниковая база.

Афанасова Елена Николаевна, к.и.н.

Иркутский государственный университет путей сообщения
lebeden81@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОХРАНЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1920-1930-Е ГГ. ©

В настоящий момент охрана материнства и детства является предметом особого внимания государства, что обусловлено сохранением сложности демографической ситуации, высокими показателями детской смертности и заболеваемости, снижением показателей здоровья женщин репродуктивного возраста, кризисом семьи как социального института. В условиях современного формирования системы мер, направленных на охрану материнства